

Цзянь Сунъи пристально взгляделся в его лицо. Нет, Бо Хуай выглядел на удивление трезвым, на лице ни единого признака хмеля.

Но если этот гад не пьян, какого черта он только что его обнимал?

Не успел он поразмыслить над этим, как земля под ногами словно задрожала. С оглушительным топотом из-за угла вылетела орава из пяти упитанных оболтусов.

— Дедушка Бо! Не думай, что если ты тут спрятался, тебе удастся отмазаться от выпивки! А ну назад, живо!

— Вот именно! И чего это вы вдвоем зажали друг друга у туалета? Шуры-муры тут крутите?

— Опа, а что это у тебя на руке за побрякушка, дедушка Бо?

Бо Хуай промолчал. Медленно, с деланным равнодушием он приподнял левую руку и аккуратно подвернул рукав рубашки,ставляя напоказ изящное запястье с выступающими косточками. На бледной коже красовался черный ремешок с переливающимися бусинами пренита.

На фарфорово-белой коже браслет смотрелся невероятно стильно.

Парни удивленно цокнули языками:

— Какая изящная вещица. Откуда дровишки?

— Брат Сун подарил, — с абсолютно бесстрастным лицом обронил Бо Хуай.

И хоть голос его звучал ровно, а лицо оставалось каменным, всем присутствующим почему-то почудились в этой фразе неприкрытая гордость и жуткое хвастовство.

...

И откуда вообще взялось это странное, кислое, как лимон, чувство неловкости?

— Разрешите спросить? — донесся робкий голосок Юй Цзыго, который прятался позади всех. Его глаза так и горели любопытством. — А эти ваши... они что, парные? Ну, типа, для влюбленных?

Он выразительно покрутил пальцем, переводя взгляд с одного на другого.

И тут до остальных дошло. Они уставились на правую руку Цзянь Сунъи — там красовалось точно такое же украшение.

— Ого-о-о... — дружно выдохнула толпа.

Услышав этот хоровой вздох, Цзянь Сунъи наконец сообразил, как это выглядит со стороны. Два взрослых парня с одинаковыми браслетами — зрелище и впрямь довольно двусмысленное. Неловко получилось.

Он уже потянул руку, собираясь стянуть ремешок, но Бо Хуай опередил его, вновь заговорив с самым невозмутимым видом:

— Гадалка сказала, что у меня в этом году черная полоса. Вот брат Сун и решил подогнать мне амулет на удачу.

Отличное оправдание — комар носу не подточит, да и опровергать тут нечего. Вот только после слов об «удаче» Цзянь Сунъи уже не мог так просто снять свой браслет. А вдруг плохая примета? Вдруг сглазит?

Делая вид, будто ничего не произошло, он покрутил бусины на запястье и, напустив на себя кирпичную морду в стиле своего соседа, уверенно парировал:

— Фантазия разыгралась? Это моя мама сплела, чисто дружеский жест. У Бо Хуая вообще-то уже есть тот, кто ему нравится. Так что, Юй Цзыго, завязывай со своими бреднями. Лучше бы с таким же рвением химические уравнения уравнивал. Глядишь, не завалил бы контрольную на позорные тридцать восемь баллов.

Юй Цзыго обиженно надулся.

Лу Цифэн, не в силах больше смотреть, как эти двое спевшихся альф измываются над бедным парнем, бесцеремонно сгреб обоих за плечи и подтолкнул к выходу:

— Ладно вам, хорош. Какая разница, братья вы или голубчики. А ну марш обратно в банкетный зал! У нас там еще целая поляна накрыта, мы обязаны догулять как следует!

Но стоило им переступить порог вип-кабинета, как выяснилось, что алкоголь со стола исчез. Зато вместо бутылок на нем высилась гора коробок в ярких обертках.

Сюй Цзясин с гордым видом водрузил перед именинником обувную коробку:

— Держи, Дедушка Бо! Это от нас с Ян Юэ. Мы парни простые, в высоких материях не шарим, так что решили подарить вещь практичную. Короче, это лимитированные белоснежные

кроссовки AJ1 от Off-White. Найти их было чертовски сложно, Ян Юэ через старшего брата аж из Штатов их заказывал. Пусть твоя дорога в жизни будет легкой, а на госэкзамене ты порвешь всех и займешь первое место по всей провинции!

Ян Юэ, у которого мгновенно сработал инстинкт самосохранения, тут же поспешно добавил:

— Точнее, поделишь первое место с братом Суном!

Подарок Чжоу Ло оказался самым монументальным — огромный, под два метра ростом, плюшевый лавандовый медведь.

— Идеальный кандидат для совместного сна и душевных разговоров! — отрекомендовал Чжоу Ло. — Милый, молчаливый и надежный. С ним твои ночи больше никогда не будут одинокими!

У Бо Хуая от такого презента заметно дернулся глаз. Цзянь Суньи, прыснув от смеха, похлопал его по плечу:

— Да ладно тебе, бери. Он эти пылесборники дарит вообще всем подряд на каждый день рождения. У него пунктик на медведях.

Чжоу Ло обхватил гигантскую игрушку руками и обиженно проворчал:

— Посмейтесь мне тут. Вот когда останетесь ночью одни и вам станет жутко, сами прибежите просить у мишки утешения!

На фоне дорогуших кроссовок и огромной лавандовой туши подарок Юй Цзыго выглядел совсем скромно. Бедняга долго мялся и переминался с ноги на ногу, прежде чем нерешительно протянуть затянутый шнурком шелковый мешочек.

Внутри обнаружился крошечный, искусно вырезанный из дерева цветок персика.

Юй Цзыго бережно взял его за лепестки и слегка потянул в стороны. Цветок разделился на две половинки — внутри он оказался полым, как раз чтобы спрятать свернутую записку.

— У меня на родине есть Гора Цветов Персика, известная своими персиковыми садами, — смущенно заговорил он. — Дедушка рассказывал мне, что если вырезать из персикового дерева такой Амулет цветов персика, вложить внутрь записку с именами влюбленных и запечатать, то Богиня цветов персика благословит этот союз на всю жизнь. Я не знаю, в кого ты влюблен, Дедушка Бо, но уверен: такой потрясающий парень наверняка выберет кого-то столь же прекрасного. Денег на дорогие подарки у меня нет, поэтому я выстругал этот Амулет цветов персика сам, а дед его заговорил. Пускай все остальные желают тебе успехов в учебе, а я пожелаю взаимной и чистой любви. Чтобы в твоей жизни было абсолютно все для счастья.

Договорив, он неловко спрятал ладони за спину, но Цзянь Сунъи все равно заметил на его пальцах мелкие порезы и занозы от работы по дереву.

Бо Хуай прекрасно знал, как тяжело Юй Цзыго дается учеба и сколько сил тот тратит на подготовку к занятиям. Выкроить время на столь кропотливую ручную работу парень мог только за счет сна. Приняв мешочек обеими руками, Бо Хуай тепло улыбнулся:

— Спасибо. Это по-настоящему ценный подарок. Он мне очень нравится.

От этой улыбки Юй Цзыго едва не запрыгал от восторга:

— Боже мой! Дедушка Бо мне улыбнулся! Настоящей улыбкой! Всё, я побежал строчить пост на школьном форуме! И раз уж тебе понравился подарок... можно мне и дальше по-тихому шипперить вашу парочку? Обещаю не мозолить глаза!

Бо Хуай подумал, что при случае обязательно нужно познакомить этого романтика с Линь Юаньюань. С их безумными идеями они либо мгновенно подружатся, либо перегрызут друг другу глотки.

Тихо рассмеявшись, он кивнул в сторону друга:

— Тут мои полномочия всё. Спрашивай у второй половины нашего тандема.

— Даже не думай, — отрезал Цзянь Сунъи с каменным лицом.

Радостный запал Юй Цзыго мгновенно угас, парень поник, как завядший цветок.

Рассматривая резную безделушку в своих ладонях, Бо Хуай как бы между прочим спросил:

— Ну вот зачем ты ломаешь парню кайф? Неужели тебя это так сильно задевает?

— Еще бы! Конечно задевает! Когда тебя с лучшим другом упрямо пытаются свести и сделать парой — это же дико неловко. Разве тебе самому от этого не тошно?

«А я вот ни капли не против», — пронеслось в голове у Бо Хуая.

Но вслух он этого не произнес. Он и не подозревал, что Цзянь Сунъи относится к этому настолько болезненно.

Пальцы задумчиво перебирали прохладные бусины пренита на запястье, согревая их теплом кожи.

Значит, дружеский жест. А он-то, наивный, надеялся...

Ладно. Проехали.

Наблюдая за этой сценой, Лу Цифэн окончательно сопоставил все факты. Резкое потепление в их отношениях после той ночи в одном номере на военных сборах, дурацкая просьба Цзянь Сунъи обнять его, неприкрытая забота, которой Бо Хуай окружил своего ненаглядного друга, и те две подозрительно проигранные партии в кости... Мозаика в его голове сложилась в идеальную картину.

Он склонился к самому уху Бо Хуая, прошептал пару слов и заговорщически хлопнул его по плечу:

— Ну как, мой подарок пришелся тебе по вкусу?

Уголки губ Бо Хуая дрогнули в довольной улыбке:

— Более чем.

Остальные недоуменно переглянулись, не понимая, о чем речь.

Цзянь Сунъи почувствовал, как внутри шевельнулось раздражение. Ему жутко не понравилось, что у Бо Хуая появились какие-то секреты с Лу Цифэном.

Впрочем, дуться из-за того, что твои друзья нашли общий язык за твоей спиной, отдавало детским садом. Ревность — глупое чувство.

Подавив неуместный порыв, он заставил себя успокоиться.

Цзянь Сунъи вальяжно подошел к дивану и с размаху плюхнулся на мягкие подушки:

— Короче, я нищеброд и лентяй, так что подарок тебе не купил. И не жди.

Бо Хуай снова ласково коснулся кожаного плетения на запястье.

«Ладно, раз ты так говоришь, пусть будет по-твоему».

Но Сюй Цзясин не упустил случая встрять:

— Опа, раз без подарка — гони штрафные три стопки! А ты, Дедушка Бо, даже не думай пить

за него. У нас тут, между прочим, суровые правила: каждый из присутствующих должен лично бахнуть с именинником!

— Во-во! Кто не пьет, тот нам не бро!

— Настоящие мужики должны накидаться в хлам! Только под хорошим градусом познается истинная братская дружба!

Цзянь Сунъи лишь мысленно закатил глаза: эти оболтусы явно пересмотрели боевиков про триады, раз врубили такой пафос в свои неполные восемнадцать. Но спорить с ними было бесполезно. Вечер закрутился в безумном вихре шуток, смеха и звона стаканов. Пиво лилось рекой — половина уходила в горло, половина проливалась мимо, и вскоре гора пустых банок и ящичков заполонила весь угол комнаты.

К тому моменту, когда они выбрались на улицу ловить такси, алкогольный угар окончательно взял свое. Парни стояли у обочины сонные, осовевшие и покачивающиеся из стороны в сторону, точь-в-точь как сбежавшие из дурдома пациенты на ночной прогулке.

И лишь Цзянь Сунъи с Бо Хуаем держались на ногах на удивление твердо. Первого весь вечер берегли от лишних стопок, а у второго, который выпил изрядную долю и из притворно-пьяного превратился в реально захмелевшего, сработала безупречная семейная выучка. Многолетнее строгое воспитание просто не позволяло ему потерять лицо.

Вот только затуманенный взгляд выдавал его с головой. К тому же Бо Хуай прижимал к груди огромного плюшевого медведя, отчего выглядел на редкость растерянным, домашним и совсем не грозным.

Цзянь Сунъи не выдержал и поддразнил его:

— Слушай, а хмельной ты даже милашка.

Бо Хуай слегка наклонил голову набок:

— Я трезв.

— Ага, все алкаши так говорят.

— Я серьезно. Ни в одном глазу.

— Ладно-ладно, верю на слово. Пошли, наше такси приехало, — Цзянь Сунъи ухватил его под локоть и потянул к обочине.

Но не успели они открыть дверцу машины, как сзади раскатистым эхом разнеслось:

— Бо Хуа-а-ай!

Они остановились и обернулись.

На противоположной стороне улицы упившаяся пятерка одноклассников, до этого валявшаяся где попало, вдруг выстроилась в идеальную шеренгу по росту — чистый индикатор сети на дисплее смартфона.

Сложив ладони рупором у рта, они заорали что было мочи:

— С восемнадцатилетием тебя, бро-о-о! С днем рождения!

Их дружный, громоподобный крик всполошил ночную тишину, да так, что с ближайших деревьев посыпалась сухая листва.

Окно на втором этаже ближайшего дома с треском распахнулось, и оттуда высунулся рассерженный старик:

— Слышите, горлопаны! Этот ваш Бо Хуай что, пуп земли? Восемнадцать ему исполнилось, икры заморские! Из-за вас, сопляков, приличному человеку в восемьдесят лет уснуть невозможно! Совсем страх потеряли, ироды!

Пятеро виновников торжества лишь покатались со смеху, обнимая друг друга за плечи.

Бо Хуай, которому незаслуженно прилетело от разгневанного соседа, тихо фыркнул:

— Дебилы ходячие.

Цзянь Сунъи удивленно округлил глаза:

— Ничего себе. Кажется, я впервые слышу от тебя ругательства жестче, чем «придунок».

Тот хмуро зыркнул на него из-под челки:

— Я пьян. Имею полное моральное право выражаться.

Цзянь Сунъи не выдержал и расхохотался. Ну надо же, великий и недостижимый ледяной принц наконец-то спустился на грешную землю. И это было чертовски здорово.

Наша жизнь — не слезливая драма, и бесстрастных, оторванных от реальности идеалов никто по-настоящему не любит. Гораздо круче окунуться в эту безумную суету вместе, гореть ярким пламенем, совершать глупости и просто жить моментом.

Он аккуратно впихнул Бо Хуая вместе с гигантским медведем на заднее сиденье такси, а потом задрал голову к раскрытому окну и зычно проорал на всю улицу:

— Дедуля, простите нас! Но восемнадцать лет — это правда охренеть как круто! И у моего друга Бо Хуая этот день будет самым лучшим!

Выкрикнув это, он пулей юркнул в салон и захлопнул за собой дверцу.

Не успел он перевести дух, как сильные пальцы железной хваткой сомкнулись на его запястье. Бо Хуай резко рванул его на себя, вжимая в самый угол сиденья. С другой стороны Цзянь Суньи намертво заблокировала туша плюшевого зверя. Бежать было решительно некуда — чистейший автомобильный прижим.

Водитель мельком глянул в зеркало заднего вида, понимающе хмыкнул, плавно тронулся с места и нажал кнопку перегородки, полностью отсекая задний ряд сидений от кабины.

«Эх, молодежь... — благодушно подумал шофер. — Горячая кровь, алкоголь в жилах. Романтика! А его дело — везти молча. Профессиональная этика как-никак».

Цзянь Суньи же наивно решил, что Бо Хуай разозлился из-за его выходки с дедком и сейчас начнет выбивать из него дурь. Он вздернул подбородок, выпятил грудь колесом и попытался включить своего коронного школьного авторитета:

— Эй, ты чего удумал? Сразу предупреждаю: в драке против меня у тебя шансов нет!

Но его ресницы при этом предательски дрогнули, выдав легкое волнение. Это мимолетное движение, словно взмах пушистой кисточки, заставило сердце Бо Хуая сладко сжаться.

Пьяному человеку прощается любая вольность.

Сила, с которой Бо Хуай сжимал его руку, не уменьшилась ни на йоту. Он прищурился, и в его голосе прозвучали опасные нотки:

— Ну и как именно, по-твоему, должны проходить мои «особенно крутые» восемнадцать лет? Поведай-ка.

— Ну... сможешь наконец легально ходить в компьютерные клубы по паспорту, а не просить админов пустить тебя в обход системы.

— Боже, какая примитивная мечта...

— Ой, да ладно тебе. И что же тогда, по-твоему, в этом возрасте такого особенного?

— Например... можно завести полноценные отношения. Начать встречаться.

В голове Цзянь Сунъи тут же всплыл нарисованный его воображением образ: Бо Хуай, нежно улыбаясь, ведет за руку какого-нибудь хрупкого, очаровательного омежку. От этой мысли внутри неприятно кольнуло.

Он недовольно нахмурился:

— Какая еще любовь в выпускном классе? Тебе готовиться к экзаменам надо, а ты о глупостях думаешь. Совсем крыша поехала от ранней любви? О будущем надо заботиться, а не зажиматься по углам.

Говорил он раздраженно и резко, пряча за напускным гневом глухое сопротивление, природу которого и сам не мог до конца осознать.

Взгляд Бо Хуая потяжелел. В глубине его души всколыхнулось глухое упрямство:

— Восемнадцать лет — это совершеннолетие. Какая к черту ранняя любовь? Вот у Лу Цифэна на его днюху все прошло куда интереснее: он мало того что отпраздновал, так еще и первый поцелуй Чжоу Ло себе прикарманил. Почему ему можно, а мне нельзя?

— Чего-о-о?! — Цзянь Сунъи едва не подпрыгнул, уставившись на друга круглыми от шока глазами. — Так вот какими секретиками с тобой этот козел делился?! Ну Лу Цифэн, ну сукин сын! Даже зайцы не жрут траву возле собственной норы, а этот гад втихую облапил парня, с которым рос с пеленок?! Это что за первостатейная скотина такая?!

— Строго говоря, один из них альфа, а второй — омега. Так что «просто друзьями» их назвать было сложно.

— Да плевать! Это всё равно свинство высшей пробы. Он — бессовестное животное, без вариантов.

— Ладно тебе, замолчи... — тихо выдохнул Бо Хуай.

«Если Лу Цифэн — бессовестное животное, то я, должно быть, самый прожженный хищник из этого же выводка», — горько усмехнулся он про себя.

Ему было глубоко плевать на ругательства. По-настоящему он боялся лишь одного — что Цзянь Суньи, узнав правду, возненавидит его настолько, что даже разговаривать больше не захочет.

Очевидно, что в представлении Суньи переход из крепкой дружбы в романтическую плоскость был вовсе не красивой сказкой, а нелепой неловкостью.

Но если этот несносный мальчишка действительно ничего к нему не чувствует, то какого черта он постоянно крутится рядом? Заигрывает, испытывает терпение... Да у кого угодно крышу сорвет от таких провокаций!

Раздразнит, а ответственности — ноль. Вьется вокруг чужого гнезда, дразнит лакомым кусочком, а подойти ближе не позволяет. Издевательство чистой воды.

Но даже у самого ангельского терпения есть предел.

Хмель ударил в голову, выпуская на волю долго сдерживаемую обиду и горечь. Чувства, подогретые алкоголем, забурлили в венах. Поддавшись импульсу, Бо Хуай навис над ним еще ниже, практически вжимая друга в кожаную спинку сиденья. Одной рукой он уперся в сиденье рядом с бедром Цзянь Суньи, а ладонью другой зафиксировал его плечо.

Цзянь Суньи оказался в абсолютно незащищенном положении, но опасности совершенно не почуял. Он продолжал расслабленно полулежать, а ворот его сползшей набок футболки приоткрыл соблазнительную полоску бледной кожи на шее и изящную впадину ключицы.

Он недоуменно захлопал ресницами:

— Эй, ну ты чего? Реально драться вздумал? Из-за того, что я твое имя копам назвал? После всего, через что мы прошли, ты из-за этой мелочи готов поднять на меня руку? Друг называется... Какого х...

Короткий вскрик оборвался на полуслове, так и не успев сорваться с губ. Голос Цзянь Суньи попросту пропал.

Парень всего лишь подзуживал друга, твердо веря, что Бо Хуай никогда не причинит ему вреда. Но он никак не ожидал, что вместо удара его... укусят. Осторожно, без боли, но невероятно интимно.

Горячие губы коснулись нежной кожи на шее, а следом скользнул влажный кончик языка. По позвоночнику Цзянь Суньи мгновенно ударил мощный разряд электрического тока, заставив все тело мелко задрожать.

Холодный аромат соснового бора после снегопада заполнил салон автомобиля. Он окутывал, лишал воли, не оставляя путей к отступлению. Опытный альфа без труда подчинил себе

доверчивого омегу. Дикая роза Цзянь Сунъи, сама того не ведая, робко раскрыла свои бутоны навстречу морозному дыханию зимнего леса. Терпкая, морозная сладость их феромонов сплелась воедино в душном, ограниченном пространстве заднего сиденья, рождая невероятный, пьянящий коктейль.

Все тело Цзянь Сунъи вмиг обмякло. Силы покинули его столь стремительно, что он не смог бы сейчас даже выдать из себя ругательство.

В эту безумную секунду в его затуманенном мозгу мелькнула пугающая, дикая мысль: «Почему он не укусил чуть в сторону?.. Буквально на пару сантиметров левее... туда, где находится железа».

Но прежде чем он успел испугаться собственного безумия и хорошенько врезать слетевшему с катушек другу, Бо Хуай отстранился. Напряжение покинуло его тело.

Бессильно опустив голову на плечо Сунъи, он ласково потерся о его ключицу и тихо, жалобно пробормотал:

— Голова... Раскалывается просто.

Голос звучал до того беспомощно и капризно, что это больше походило на детскую обиду.

Цзянь Сунъи лишь шумно выдохнул в темноту.

«Ладно, хрен с тобой. Парень пьян в стельку, берегов не видит. Да и укусил не больно, чего уж теперь драку устраивать...»

Он уже занес руку, чтобы аккуратно отодвинуть спящую тушу, но Бо Хуай вдруг тихо выдавил:

— Дедушка... Он вчера поздно вечером вернулся.

— Ну и?

— Он сейчас дома.

— И что с того?

— У него чуткий сон. Просыпается от малейшего шороха.

— Ближе к делу.

— И он убьет меня, если узнает, что я пил.

—...

— Так что мне нельзя домой, Сунъи... Идти совсем некуда.

—...

Любой, кто посмел бы упрекнуть Цзянь Сунъи в мягкотелости и отсутствии принципов, просто никогда не слышал, как этот ледяной и неприступный принц умеет жалобно канючить. Против такого оружия у него не было никакой защиты.

Цзянь Сунъи вздохнул и мысленно прикинул размеры собственной кровати. Места там, в принципе, должно было хватить на двоих.

<http://bllate.org/book/20583/2213552>